

Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период

© 2011

О. Борох

В статье рассмотрены основные тенденции развития китайской экономической науки после 2008 г. Исследованы подходы китайских экономистов к осмыслению уроков мирового экономического кризиса и успехов Китая в преодолении его негативных последствий. Проанализированы дискуссии ученых КНР о «китайской модели» развития, специфике механизмов макроконтроля, роли государства в экономике. С опорой на опыт Китая ученые стремятся к переосмыслению главных направлений мировой экономической теории и созданию влиятельной китайской экономической науки.

Ключевые слова: экономическая наука, антикризисная политика, «китайская модель», роль государства в экономике, макроконтроль, переосмысление экономической теории.

Китай приступает к выполнению 12-го пятилетнего плана (2011–2015 гг.), основные ориентиры которого были намечены еще в прошлом десятилетии. Это смена модели экономического развития, увеличение вложений в человеческие ресурсы, расширение внутреннего спроса, развитие системы социального обеспечения, инвестиции в науку и технику, защита окружающей среды. Программа пятилетки основана на лозунге «научного взгляда на развитие», который обрел официальный статус во второй половине 2000-х гг. Преимущество планов связана и с тем, что прежние цели не были реализованы в полной мере. В марте 2011 г. в докладе о работе правительства на сессии ВСНП премьер Вэнь Цзябао признал, что развитие Китая остается нестабильным, несбалансированным, нескоординированным и неустойчивым¹.

На завершающем этапе 11-й пятилетки китайскому руководству пришлось корректировать экономическую политику для противодействия мировому финансовому кризису². Применение антикризисных мер помогло сохранить высокие темпы роста, однако при этом выросла зависимость экономики КНР от государственного вмешательства. Расширение кредитования экономики и поддержки госсектора привели к обострению проблемы инфляции. Обсуждение уроков антикризисной политики в Китае нацелено прежде всего на выявление перспектив использования рыночных механизмов и определение роли государства в экономике. По мнению авторитетного экономиста Ли Инина, в условиях кризиса главными задачами стали поддержание роста и решение проблемы занятости, что привело к вынужденному замедлению темпов рыночных преобразований. Он подчеркнул, что реформы нельзя останавливать. В частности, нужно решать проблемы дуалистичности урбанистически-аграрной структуры экономики, монополизма гос-

предприятий и механизма установления цен на ресурсы, поддерживающего их дешевизну и не стимулирующего обновление техники³.

В центре внимания находился вопрос о том, когда и при каких условиях государству следует отказаться от финансовой поддержки экономики. В условиях кризиса развитие китайской экономики вернулось к прежней модели ускоренного роста, обеспеченного вложениями большого объема дешевых средств. Китайские экономисты встревожены тем, что курс на увеличение инвестиций вместо роста потребления может привести к созданию избыточных мощностей. У Цзинлянь из Центра исследований развития при Госсовете КНР призвал всесторонне изучить воздействие плана инвестиций 12-й пятилетки на макроэкономическую стабильность. Помимо значительных государственных инвестиций в инфраструктуру, на местах намечается заметное увеличение финансирования семи новых стратегических отраслей (энергосбережение и охрана окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, производство высокотехнологичного оборудования, новые источники энергии, новые материалы, автомобили на новых источниках энергии). По мнению ученого, тенденция к увеличению инвестиций в эти отрасли превосходит по размаху «большой скачок» 1958 г. и «заморский скачок» массовой закупки иностранного оборудования конца 1970-х гг. Такая политика может негативно повлиять на стабильное развитие экономики в 12-й пятилетке⁴. Заместитель директора Института национальной экономики Китайского фонда реформы Ван Сяолу также отметил, что наращивание инвестиций приведет к быстрому росту производственных мощностей без соответствующего роста потребления⁵.

Многие китайские эксперты указали на важность провозглашенной правительством цели снижения ежегодного прироста ВВП до 7% при синхронизации темпов экономического роста и роста доходов населения. Однако вызывает сомнения готовность местных властей отказаться от привычной ориентации на поддержание высоких темпов роста экономики любой ценой. Секретарь Китайского макроэкономического общества Ван Цзянь отметил, что многие местные правительства стремятся к увеличению темпов экономического развития, рассматривая использование инвестиций для достижения высокого роста в качестве неизменной модели⁶. На основании статистики по 27 провинциям и городам Чжан Шугуан из Института экономики Тяньцзэ показал, что в 2011 г. лишь в четырех местах власти ставили целью рост экономики, не превышающий 10%, при этом в 14 местах собирались достичь роста в 12% и еще в трех — более 13%⁷.

В преддверии сессии ВСНП 2011 г. Вэнь Цзябао в ходе общения с Интернет-аудиторией коснулся этой проблемы. Отвечая на вопрос о путях решения противоречия между провозглашенной правительством сменой парадигмы развития и стремлением местных властей наращивать ВВП, премьер заметил: «Решить эту проблему, если говорить честно, не очень просто. Нужно, чтобы кадровые работники всех уровней действительно поняли, что главный стимул экономического роста — это научно-технический прогресс, это расширение потребления, мы должны идти по пути самостоятельного развития, основанного на интенсивном росте и стимулируемого инновациями. Поэтому мы должны использовать для оценки комплексные показатели, особенно показатели эффективности, окружающей среды и жизни народа. Только так можно ограничить быстрый слепой рост»⁸. Вэнь Цзябао сказал, что сам видел на местах контрасты между масштабным строительством в городах и сохраняющейся бедностью в окрестных деревнях, где для родителей проблемой является выплата за учащегося ребенка ста юаней в год на отопление школы. По его словам, он лично призывал местных руководителей уменьшить темпы городского строительства и тратить больше средств на народное благосостояние. Премьер подчеркнул, что критерием оценки успехов кадровых работников должна быть удовлетворенность народа, а не наличие на подведомственной им территории небоскребов.

В ходе обсуждения уроков антикризисной политики китайские исследователи стремятся понять, какие ее аспекты носили временный вынужденный характер, и что в

ней отражает существенные черты и преимущества сформировавшегося за годы реформ пути развития страны. Благодаря успешному выходу страны из кризиса оживились идущие с середины прошлого десятилетия споры о «китайской модели»⁹.

На основании анализа материалов обсуждений можно выделить две трактовки содержания «китайской модели». Первая подчеркивает связь успеха Китая с либерализацией экономики и проведением рыночных реформ. В этом случае «китайская модель» представляет собой комплекс выработанных в процессе преобразований особых методов перехода к рынку — это реформы путем приращения (*цзэнлян гайгэ*), двухколейная система, опора на эксперимент. Другая трактовка указывает на связь достижений страны с социалистическим строем и характеризует «китайскую модель» как успешное соединение социализма с рыночной экономикой¹⁰.

Сторонники «китайской модели» считают ее существование неоспоримой реальностью. Они видят в уроках кризиса подтверждение того, что «китайская модель» создала условия для быстрого сосредоточения сил в интересах проведения антикризисной политики, продемонстрировав другим странам путь выхода из рецессии. В области теории «китайская модель» расширила горизонты экономической науки, позволив углубить понимание законов экономического развития и изменений институтов. Если развивающимся странам «китайская модель» предоставляет важный опыт экономического развития, то для развитых стран она открывает новый подход к проблеме сферы применимости западных ценностей.

В период кризиса западные страны с либеральной экономикой пострадали значительно сильнее Китая, что дало ученым КНР основания указать на преимущества «китайской модели». Ху Цзюнь и Хань Дун из Народного университета Китая отмечали, что страна добилась успеха благодаря тому, что не встала на неолиберальный путь приватизации и свободной рыночной экономики. В данной трактовке ключевыми особенностями «китайской модели» выступают руководство КПК, главенствующее положение государственной экономики, направляющая роль правительственного плана экономического строительства, использование стимулирующей роли рынка для развития производительных сил.

Для обоснования важности вклада КПК в успешное развитие страны китайские авторы сослались на мнения зарубежных исследователей¹¹. В частности, известный американский футуролог Джон Нэйсбитт пришел к выводу, что в Китае однопартийная власть способна реализовать долгосрочную стратегию развития, тогда как на Западе цели носят краткосрочный характер и прерываются избирательным циклом. Другим подтверждением этого тезиса стала книга английского политолога Мартина Жака «Когда Китай правит миром: подъем Среднего царства и конец Западного мира»¹². По его мнению, китайское общество поддерживает КПК прежде всего потому, что партия может обеспечить экономический рост.

Оппоненты «китайской модели» указывают, что поиск пути преобразований еще не завершен, а развитие страны сталкивается с существенными проблемами и сопутствующими издержками. Опыт Китая не может служить демонстрационным образцом, пригодным для «экспорта» за рубеж. Если же «китайская модель» сводится лишь к усиленному контролю правительства над всей социально-экономической системой страны, то в этом нет ничего принципиально нового, а вслед за краткосрочными успехами подобная политика может породить серьезные трудности. Самая главная проблема «китайской модели» состоит в том, что экономические реформы пока не доведены до конца, политические преобразования отстают, влияние чиновников на экономику остается значительным. Некоторые критики «китайской модели» объясняют экономические успехи страны тем, что реформы следовали предписаниям «вашингтонского консенсуса». По мнению Яо Яна из Китайского центра экономических исследований Пекинского универ-

ситета, достижения Китая демонстрируют победу неоклассической экономической науки, поэтому «китайская модель» лишена собственного содержания¹³.

У Цзинлянь призвал не преувеличивать долгосрочный позитивный эффект административного вмешательства в экономику. Он отметил, что успех антикризисной политики стимулировал рассуждения о том, что применение административных мер является особым политическим преимуществом Китая; также возобновился интерес к сформулированной в середине 2000-х гг. в ходе критики «вашингтонского консенсуса» идее «пекинского консенсуса», которая была возвышена до уровня «китайской модели». Однако краткосрочный успех государственного регулирования не дает однозначного ответа на вопрос о том, является ли высокая степень вмешательства правительства в экономику добром или злом. В китайских условиях многие чиновники привыкли командовать экономикой, и усиление государственного вмешательства может стать долгосрочной тенденцией. Поэтому слишком оптимистическая оценка использования административных мер в преодолении кризиса, по мнению ученого, весьма опасна¹⁴.

Китайские исследователи предупреждают, что чрезмерно высокая оценка успехов Китая может привести к самодовольству и замкнутости, что в итоге затормозит реформы. Бывший директор Института США АОН Китая Цзы Чжунъюнь провела историческую параллель с событиями вековой давности. В XIX в. стремившаяся к переменам часть китайской интеллигенции ориентировалась на примеры развитых стран Запада и Японии, однако после Первой мировой войны в Китае стало шириться разочарование в учебе у Запада, в результате стали набирать силу традиционалисты и сторонники заимствования советского опыта. Теперь на Западе вновь возникли проблемы, но при этом у Китая нет другого зарубежного примера, каким в прошлом был СССР. В этой ситуации в Китае появляется стремление отвернуться от внешнего мира, поскольку собственный путь представляется весьма успешным. Как и в прошлом, набирает силу тенденция к унаследованию комплекса традиционного знания «госюз», некоторые исследователи стремятся обнаружить в древних текстах прообразы современных экономических теорий и основы рыночного хозяйства. По мнению Цзы Чжунъюнь, эти неправильные оценки современности могут увести в ошибочном направлении¹⁵. Повышенное внимание к успеху «китайской модели» настраивает китайское общественное мнение на то, что продолжение реформ не является необходимым. Беспокойство по этому поводу высказал бывший проректор Партийной школы ЦК КПК Ли Цзюньжу. По его мнению, националистический акцент на «китайской модели» опасен, так как может изменить ход реформ¹⁶.

Споры о «китайской модели» связаны с обсуждением острой дискуссионной темы «всеобщих ценностей». Официальные пропагандисты указывают на недопустимость попыток представить западные представления о демократии в качестве «всеобщих ценностей». Однако полный отказ от «всеобщих ценностей» порождает националистические тенденции, косвенно подталкивающие Китай к самоизоляции от иностранных идей. Бывший председатель правления группы Чжаошан (China Merchant Group) Цинь Сяо отмечает, что трактовка «китайской модели» как пути развития экономики, структуры государственной власти и способа управления обществом, основанных на государственном руководстве и поддерживаемых национализмом, ведет к отрицанию «всеобщих ценностей». По мнению исследователя, в период реформ в Китае происходила постепенная деидеологизация, которая началась с призывов Дэн Сяопина «искать истину в фактах», «не спорить», не делить преобразования на «капиталистические» и «социалистические». Впоследствии этот процесс продолжили лозунг «тройного представительства» Цзян Цзэминя, идеи «научного развития» и «гармоничного общества» Ху Цзиньтао. Однако увлечение лозунгом «китайской модели» противоречит данной тенденции и ведет к возрождению идеологизации. Цинь Сяо указывает, что теория «китайской модели» основана на признании подъема Китая и упадка Запада: предполагается, что вскоре китайские

ценности заменяют пришедшие из-за рубежа ценности просвещения, оказавшие значительное воздействие на китайские преобразования XX в.¹⁷

Глава Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа профессор Цянь Инъи, в прошлом преподаватель экономики в ведущих университетах США, указал на опасность ошибочных выводов из уроков мирового кризиса. Китай добился успеха и смог укрепить свои позиции в мире, внутри страны это привело к распространению настроений «великой державы» и «возрождения». Объективные основания у этих эмоций есть, ведь Китай — это большая страна с древней цивилизацией, которая после периода отставания в недалеком будущем по общим показателям вернется на прежнее историческое место в мире. Однако слияние этих настроений, стремление замкнуться в скорлупу «подъема великого государства» и поставить «национальное возрождение» превыше всего может привести к распространению узкого национализма, который будет мешать вхождению Китая в мир и препятствовать долгосрочному развитию страны. Возникает ошибочное мнение, согласно которому, если Китай станет мощным, то весь мир будет его уважать. Цянь Инъи полагает, что сторонники этой точки зрения смешивают необходимое и достаточное условия — без мощной экономики уважения не добиться, но одних экономических успехов может оказаться недостаточно, чтобы заслужить чужое уважение. Ответ на вопрос о том, сможет ли в результате кризиса Китай подняться на новую ступень, находится внутри страны: для дальнейшего продвижения вперед китайцам нужно трезво понять себя и объективно смотреть на мир¹⁸.

Профессор финансов в Школе менеджмента Йельского университета Чэнь Чжиу, автор опубликованной на Тайване книги ««Китайской модели» не существует»¹⁹, отмечает, что никто не способен дать четкое определение «китайской модели». Если это синоним нынешней политики китайских властей, то у «модели» есть две особенности. Это жесткий контроль правительства над экономическими ресурсами и доступом к финансовым отраслям, а также приоритет реформы экономической системы по отношению к политической. По мнению исследователя, опыта трех десятилетий реформ недостаточно, чтобы дать обоснованную оценку эффективности подобной системы. Кроме того, нужно учитывать, что зависимость от внешней торговли и инвестиций, а также низкие темпы роста частного потребления являются внешними симптомами проблем, коренящихся в экономической системе Китая²⁰.

После того, как в 2010 г. Китай по общим объемам экономики опередил Японию и вышел на второе место в мире, возник дополнительный импульс для обсуждения достоинств «китайской модели». Член ПК НПКСК, заместитель руководителя экономического комитета профессор Ли Инин подчеркнул, что по доле высоких технологий и передовой продукции Китай по-прежнему отстает от Японии, и хотя в китайских городах идет быстрое строительство, японские жилища снабжены более современным оборудованием. Китайцам не нужно радоваться тому, что по размеру ВВП они обогнали Японию, следует продолжать прилагать усилия, чтобы превзойти ее на деле. Ли Инин призвал рационально подходить к «китайской модели» и понимать, что ее нужно будет своевременно реформировать по мере дальнейшего развития Китая: «Я не одобряю четыре иероглифа “китайская модель”, так как модель — это нечто твердо установившееся, более подходит “китайский путь”. Мы сейчас ищем путь, как сделать Китай богатым и могущественным, во многих областях необходимы дальнейшие реформы...»²¹.

Несмотря на широкий интерес к проблеме на уровне экспертов, понятие «китайская модель» не входит в число официальных лозунгов. В марте 2011 г. это подтвердил премьер Вэнь Цзябао. Иностранному корреспонденту спросил его, соответствует ли китайская модель развития переменам в мире и могут ли другие страны позаимствовать из этой модели что-то полезное для себя. Ответ гласил: «Мы выбрали путь, соответствующий ситуации в Китае... Наши реформа и строительство еще находятся в процессе поиска, мы никогда не считали, что собственное развитие — это модель»²². Эту осторож-

ную и взвешенную позицию разделяют ведущие китайские экономисты, призывающие к продолжению реформ и к объективной оценке трудностей в развитии Китая.

Возникший на Западе кризис побудил китайских исследователей обратиться к критическому переосмыслению господствующего течения в мировой экономической науке. Неспособность зарубежных экономистов предсказать финансовый кризис и предложить своевременные меры по его предотвращению стала, по мнению Чжан Сяоцзина из Института экономики АОН Китая, отражением кризиса внутри экономического знания. Он предположил, что в западном мейнстриме возник кризис основополагающей веры в свободный рынок. Его сопровождает кризис методологии, исхившей из равновесия и пренебрегавшей фактором времени. Отсутствие внимания к процессу перехода вело к выводу о том, что «шоковая терапия» полезна, хотя результатом ее использования на практике часто становится нестабильность в экономике и обществе. В основном течении экономической мысли также возник кризис формализации, обусловленный чрезмерным вниманием к математическим построениям и созданию формальных моделей. Кроме того, мейнстрим не учитывал значения финансовой сферы как возможного источника макроэкономической нестабильности. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению исследователя, может стать отказ основного течения экономической науки от «западоцентризма» и обращение к опыту развивающихся стран, успешно преодолевших воздействие кризиса²³.

На этом фоне заметно возрос интерес к теме китайской экономической науки и ее вклада в развитие мировой экономической теории. Чжоу Вэнь и Сунь И из Юньнаньского университета экономики и финансов напомнили, что обсуждение концепции «китайской экономической науки» развернул в 1940-е гг. еще до образования КНР марксист Ван Янань, пытавшийся создать костяк независимой экономической теории для решения специфических проблем страны. Вторая попытка была предпринята в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда экономист молодого поколения Фань Ган выступил с критикой «советской парадигмы» в условиях перехода к рынку, широкого заимствования западных теорий и методов. Третья дискуссия развернулась в начале 2000-х гг., среди ее участников были Линь Ифу, наметивший путь «отуземливания, стандартизации и интернационализации» экономической науки, а также Чэн Эньфу, предлагавший различные формы соединения китайских и зарубежных течений на основе марксизма.

Стимулом для современного обсуждения «китайской экономической науки» стали быстрое развитие Китая и повышение его влияния в мировой экономике. Для объяснения этих тенденций ученые стремятся создать теорию, соответствующую реальности и культурной специфике страны, выработать китайскую «систему дискурса» в экономической науке. «Китайская экономическая наука» призвана обеспечить Китаю «право голоса» в мировой экономической науке, что дало бы возможность влиять на глобальные процессы в интересах создания нового международного экономического и политического порядка, благоприятствующего подъему Китая. По мнению китайских исследователей, трансформация экономической модели Китая требует создания «китайской экономической науки», которая соответствовала бы изначальной направленности традиционной китайской экономической мысли — «управлению миром и вспомоществованию народу» (*цзин ши цзи минь*)²⁴.

Необходимость теоретического объяснения модели развития китайской экономики, экономической реформы и политики макроконтроля требует выхода за рамки неоклассической теории, неспособной предоставить полное понимание китайской реальности. Многие экономисты видят несоответствие между неоклассической теорией и китайской реальностью, что ведет их к сомнению в авторитете мейнстрима, к попыткам внести в него поправки и дополнения. Успешность китайского опыта и его признание иностранными учеными подкрепляют позиции тех, кто призывает с помощью китайского материала исправить и дополнить неоклассические экономические концепции. Дирек-

тор Института народонаселения и экономики труда АОН Китая Цай Фан отмечает, что господствующая теория роста не может объяснить процесс и эффективность развития дуалистической экономики с китайской спецификой. Из теории переходной экономики также нельзя вывести особую целевую модель китайской реформы, критерии ее оценки и пути осуществления. Ограниченным оказывается и механическое применение к находящемуся на стадии перехода Китаю трактовки макроконтроля, исходящей из макроэкономической науки мейнстрима.

Специфика китайской экономики в том, что развитие осуществляется на фоне изменения дуалистической структуры, перехода от плановой экономики к рыночной, использования макроконтроля для поддержания стабильности. Китайские исследователи указывают на отличия от ожиданий стандартной экономической теории в этих областях, что служит дополнительным аргументом в пользу разработки китайской экономической науки. К примеру, в 1950-е гг. в Китае сформировалась система прописки, которая разделила два рынка рабочей силы — городской и деревенский. В период реформы произошло смягчение этой особенности дуалистической экономики, неограниченное предложение рабочей силы было устранено. По мнению Цай Фана, неоклассическая теория исходит из монистической предпосылки экономического развития и потому она зачастую неспособна объяснить дуалистическую модель китайской экономики. Китайским реалиям в большей степени соответствует теория дуалистической экономики У.А. Льюиса (1954), которая долгое время подвергалась критике со стороны неоклассического мейнстрима. Помимо этого, неоклассическая теория исходит из недостатка рабочей силы и не учитывает «дивидендов от народонаселения», которыми воспользовался Китай. Осмысление избранной Китаем модели экономического роста может стать стимулом для обновления экономической науки и позволит внести вклад в теорию развития²⁵.

По мнению Цай Фана, мейнстрим экономической науки может быть дополнен в результате теоретического осмысления китайского пути постепенного перехода от плановой экономики к рыночной, что обогатит теорию переходной экономики. Если с точки зрения неоклассической теории рыночный переход должен следовать догмам «вашингтонского консенсуса», то целевая модель китайской реформы и способы движения к ней не были определены заранее, подход к реформе был основан на прагматизме. Особенности китайских преобразований стали постепенный характер реформы, реформирование путем приращения, принцип содействия развитию с помощью реформы, комплексный характер продвижения преобразований, учет способности населения справиться с последствиями реформ. Господствующая макроэкономическая теория также может быть развита с учетом китайского опыта политики макроконтроля, позволившей поддерживать макроэкономическую стабильность на протяжении всего периода реформ.

С критикой основного течения западной экономической науки выступили не только китайские профессиональные экономисты, но и марксисты, поддержавшие призывы к большему учету национальной специфики и приближению теории к запросам китайской практики. Проректор Юго-Западного финансово-экономического университета Лю Цань подчеркнул, что мировой кризис бросил вызов западной экономической науке мейнстрима. По его мнению, попытки вернуться к кейнсианству, основанному на предпосылке недостатка эффективного спроса, также не помогут объяснить глубинные причины возникновения периодических кризисов при капитализме и решить проблемы капиталистической экономики.

В этом контексте у марксистов возник вопрос о том, какой должна быть система преподавания экономической теории. За годы реформ китайская экономическая наука заимствовала много западных концепций, избавление от догматизма способствовало развитию экономического образования в КНР. Лю Цань напомнил, что в высших учебных заведениях экономического профиля была создана система курсов, включающая «принципы экономической науки», «микроэкономiku», «макроэкономiku», «экономiku разви-

тия», «теорию игр и теорию информации», «новый институционализм» и др. Однако глобальный кризис выявил существенные недостатки теоретической системы экономической науки западного мейнстрима и выстроенной на этой базе модели образования. В китайском экономическом образовании также накопилось немало проблем — это «внимание к моделям и невнимание к идеям, внимание к знаниям и невнимание к методам, внимание к западной теории и невнимание к китайской практике». Китайские студенты разбираются в предпосылке экономического человека, рациональном выборе, максимизации полезности, общем равновесии, но не знают истории и практики китайской реформы. Студенты не умеют использовать китайскую теорию, методы и язык для изложения реалий страны и изучения ее проблем, привычка копировать западную теорию и западный опыт делает их зависимыми от догм западной экономической науки.

Для обновления китайского экономического образования Лю Цань порекомендовал усилить базовое положение марксистской экономической науки и сбалансировать три крупных элемента вузовского курса — это основы теории политэкономии, теория и методы современной экономической науки (т.е. западная экономическая наука), китайская экономическая реформа и практика. Он призвал обратить особое внимание на преподавание «трех историй и одной теории» — истории экономической мысли, истории китайской экономики, истории зарубежной экономики и «Капитала» Маркса. Следует также более четко выделить в учебном процессе основные принципы марксистской экономической теории, модель обучения должна сочетать преподавание базовой теории, научную подготовку и общественную практику, чтобы готовить экономистов, стоящих на китайской почве и имеющих мировой уровень²⁶.

Мировой кризис показал, что марксизм не утратил актуальности, поскольку эта теория позволяет понять причины кризиса и его логику. Некоторые китайские исследователи призвали не противопоставлять марксизм и западную экономическую науку и добиваться их взаимного дополнения, поскольку западная наука не дает возможности разглядеть глубинные проблемы капитализма, тогда как марксизм не предлагает практических рецептов по выводу рыночной экономики из кризиса. Третьим источником обогащения теории стала китайская традиция. Поиск путей адаптации марксизма к нуждам эпохи привел марксистов к выводу о важности внимания к идейному наследию прошлого при одновременном движении к интернационализации китайской экономической науки.

Линь Ган из Народного университета Китая призвал развивать в экономическом знании «мощный национальный стиль, имеющий китайскую специфику», недостаток которого заметен как в марксизме, так и в современных рыночных теориях. Тем временем в древнекитайских материалах можно найти немало ярких и глубоких экономических идей — например, представления Сыма Цяня о рыночном механизме, содержащиеся в трактате «Гуань-цзы» идеи макроэкономического контроля. Если преподаватели и студенты будут впитывать традиционную культуру, это поможет сформировать национальный научный стиль и придать экономической науке китайскую специфику. Исследователь указал на недопустимость полного отрицания результатов развития экономической науки за годы существования КНР, включающие «извилистый путь плановой экономики» и период реформ. Эти достижения выросли на китайской почве, они стали основой для развития китайской экономической науки. Лишь на таком фундаменте можно создать современную экономическую науку с китайскими особенностями, вырастить китайских экономистов мирового уровня²⁷.

Чэн Эньфу, возглавляющий Академию марксизма АОН Китая, предложил афористичную формулу обновления и развития китайской экономической науки: «Марксистское учение как основа, западное учение для применения, национальное учение как корень, мировая ситуация как зеркало, ситуация в стране как основание, комплексное создание нового» (*ма сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн, госюэ вэй гэнъ, ши цин вэй цзянь, го цин вэй цзюй, цзунхэ чуансинь*). Примечательно стремление китайских экономистов маркси-

стского течения опереться на традиционную культуру и идеи известных мыслителей XX в. Концепцию «комплексного создания нового» предложил в 1980-е гг. в качестве общего курса развития китайской культуры философ и историк философии Чжан Дайнянь. С того времени ее считают правильной марксистской формулой, которая позволяет избежать крайностей либерального западничества и консервативного традиционализма. Упомянутое разделение «основы» (*ти*) и «применения» (*юн*) восходит к китайским спорам конца XIX — начала XX вв. о соотношении культур Китая и Запада. В формуле Чэн Эньфу «основа» и «применение» имеют западное происхождение: основополагающее марксистское учение (*ма сюэ*) означает систему знаний марксизма, а функциональное «западное учение» (*си сюэ*) — систему общественно-научных знаний за исключением марксизма, прежде всего современный западный экономический мейнстрим.

«Корнем» межкультурного научного синтеза выступает «национальное учение» (*госюэ*), обозначающее сформировавшийся в традиционном Китае комплекс знаний о человеке и обществе. В данном случае речь идет об использовании традиции в ходе модернизации экономической мысли, поскольку в древнекитайском наследии были отражены общие экономические законы и квинтэссенция особой китайской экономической ситуации. Чэн Эньфу пояснил эту мысль с помощью призыва Мао Цзэдуна «ставить древнее на службу современности» (*гу вэй цзинь юн*). Марксисты не поддерживают усилия традиционалистов по возрождению «госюэ» как целостного знания и предлагают «отбросить феодальную шелуху и впитать лучшие традиции, научную квинтэссенцию». Среди выдающихся экономических памятников древности Чэн Эньфу назвал текст «Гуаньцзы», где были систематически изложены идеи управления и затрагивались проблемы экономической философии, отношения политики и экономики. Он также отметил сформулированный Мо-цзы принцип «взаимной выгоды» (*цзяо сян ли*), близкий к идеям А. Смита, теорию экономических циклов политического мыслителя конца эпохи Чуньцю Фань Ли (VI — V вв. до н.э.). Среди достижений нового времени были упомянуты утопические социалистические представления Хун Сюцюаня о сельском хозяйстве, буржуазные концепции промышленности и торговли, изложение в «Да тун шу» Кан Ювэя на языке «госюэ» социалистических экономических идей.

Чэн Эньфу призвал использовать в качестве подспорья достижения зарубежной марксистской экономической науки. В качестве примера можно указать на активное обсуждение вышедшей в 2010 г. на китайском языке книги С. Боулза, Р. Эдвардса и Ф. Рувельта «Понимание капитализма: конкуренция, командное управление и изменения»²⁸. В процессе реформирования учебных пособий по политической экономии в Китае развернулся поиск «заменяющего учебного пособия» для вводного курса. Эта работа американских авторов вызвала интерес, поскольку в ней рассматриваются многие аспекты экономической реальности, которые прежде оставались малоисследованными. В ходе обсуждения книги среди ее достоинств китайские экономисты называли чувство реальности, расширение рамок экономической науки за счет ценностных суждений и достижений эволюционной теории²⁹.

Подобно экономистам основного течения, китайские марксисты также стремятся к выходу на мировую научную арену. С помощью контактов с зарубежными коллегами они хотят укрепить «право голоса» китайской экономической науки, наращивая тем самым «мягкую силу» Китая. В частности, за последние пять лет Международная ассоциация политэкономии провела пять заседаний — в Китае (Шанхае, Пекине и Сучжоу), Японии и Франции. Китайские ученые отобрали для перевода сто известных трудов зарубежного марксизма по экономике, подготовленных в США, Японии, Франции и других странах. С 2010 г. ассоциация начала издавать в Лондоне англоязычный журнал «World Review of Political Economy» («Мировое обозрение политической экономии»), что также будет способствовать связям китайских ученых с зарубежными коллегами³⁰.

После мирового кризиса возросло внимание китайских экономистов к проблемам соотношения правительственного контроля и рыночного механизма. Американский исследователь Б. Нотон из Калифорнийского университета в Сан-Диего обратил внимание на то, что значения термина «макроконтроль» в Китае и на Западе различаются. В китайских материалах под «макроконтролем» понимают как макроэкономические инструменты, так и административные рычаги, при этом можно встретить противопоставление «рыночного механизма» и «макроконтроля». В англоязычной экономической литературе такое противопоставление не имеет смысла, поскольку «макроконтроль» подразумевает использование рыночных инструментов³¹.

Китайские исследователи отмечают, что в Китае одновременно используются административный и рыночный макроконтроль. Хотя методы прямого административного воздействия на экономику применяются реже, чем рыночное макроэкономическое регулирование, власти КНР никогда полностью не отказывались от них. Успешная антикризисная политика дала основания трактовать государственное вмешательство как необходимую составную часть системы социалистической рыночной экономики, в период кризиса использование административных рычагов позволило своевременно восполнить недостатки рыночного механизма и не допустить провала в экономике. По мнению заместителя директора Института макроэкономики Государственного комитета по делам развития и реформ Чэнь Дунци, кризис показал, что экономическому развитию нужна не только «невидимая рука» рынка, но и «видимая рука» государства. Вместе с тем «видимая рука» не должна подменять «невидимую»³².

Группа по исследованию экономического роста и макроэкономической стабильности в Китае из Института экономики АОН попыталась продемонстрировать, что между практикой макроконтроля с китайской спецификой и спровоцированной кризисом критикой в адрес господствующего течения в экономической науке есть точки соприкосновения, прежде всего это касается трактовки структурного контроля как значения «китайского опыта». В посткризисный период новые подходы китайских экономистов в этой сфере проявляются в стремлении обратить особое внимание на управление предложением и ускорить урегулирование структуры, продвигать рыночные реформы и ослаблять эффект правительственного вмешательства. Они также предлагают перенести центр тяжести макроконтроля с индустриализации на урбанизацию, расширить горизонт макроконтроля с учетом растущей роли Китая в мировом развитии, участвовать в международной координации макроэкономической политики. Для Китая как развивающейся страны, находящейся на стадии перехода, макроконтроль всегда проводился по двум колеям — к рыночным методам неизменно добавлялись административные, к контролю над агрегатными показателями (*цзунлянь*) добавлялся контроль над структурой.

Переосмысление идей экономического мейнстрима под воздействием мирового кризиса затронуло тему макроконтроля. Кризис поставил под сомнение проводимую в развитых странах Запада макроэкономическую политику и лежащую в ее основе макроэкономическую теорию. Это привело к тому, что некоторые применяемые в КНР с начала реформ способы контроля, отвечающие национальной специфике и представляющие интерес для развивающихся стран, обрели с точки зрения мейнстрима рациональность и ценность для заимствования. По мнению некоторых зарубежных экономистов (О. Бланшар, Дж. Франкель), осмысление опыта макроуправления развивающихся стран может превратиться в один из источников обновления мейнстрима. Однако китайские исследователи подчеркнули, что «преимущества» китайского макроконтроля, проявившиеся в годы реформ и во время кризиса, как раз и являются теми проблемами, которые предстоит решить Китаю в посткризисную эпоху. «То, что мейнстрим с благосклонностью воспринимает как мудрый выбор, на деле, возможно, было для Китая лишь вынужденным решением на определенном этапе развития страны»³³.

Подход к политике макроконтроля в развитых и развивающихся странах существенно различается. В развитых странах рыночная система совершенна и однородна, рост достаточно сбалансирован. Всего этого нет в развивающихся странах, из-за чего основы политики макроконтроля там совершенно иные. Соответственно, помимо нацеленной на развитые страны макроэкономики мейнстрима должна быть специальная «структуралистская макроэкономика» или «макроэкономика развития», предназначенная для развивающихся стран.

Проблема в том, что выдвинутые в 1950-е гг. макроэкономические идеи, подчеркивающие специфические черты развивающихся стран — особую структуру, неоднородность и неравновесие — на практике не сыграли позитивной роли. Политика замещения импорта в Латинской Америке не привела к поставленной цели обеспечения макроэкономической стабильности. Страны, проводившие политику импортозамещающей индустриализации, добились меньших успехов по сравнению с теми государствами, которые придерживались более открытой экономической политики. В результате в 1960–1970-е гг. структуралистский подход к развитию начали подвергать критике. Последствием перемен в СССР и Восточной Европе стал акцент на идее единой макроэкономики, апогеем которой стал «вашингтонский консенсус». Неоклассическая макроэкономика заменила структурализм, образовался единый мейнстрим. Политику, которая проводилась в развивающихся странах и основывалась на их специфике, стали рассматривать как временное и вынужденное явление. Лишь после глобального кризиса в западной экономической мысли возникла идея использовать для спасения макроэкономической теории мейнстрима опыт макроэкономического управления новых рыночных экономик, включая Китай.

По мнению ученых КНР, главная особенность китайского макроконтроля состоит в экспансии агрегатных показателей (*цзунлянсин кочжан*) и структурном «сжатии» (*цзегоусин шоусо*). В условиях кризиса мейнстрим экономической науки пришел к пониманию того, что одного контроля над агрегатами недостаточно, надо также обращать внимание на меры структурного контроля. В КНР за годы реформ было семь усилений макроконтроля (1979–1981, 1985–1986, 1988–1990, 1993–1996, 1998–2002, 2004–2007, 2008–2009 гг.), из них пять раз эта политика применялась для обуздания перегрева, ее главным содержанием были меры макрорегулирования, направленные на «сжатие» экономики. На этом основании авторы доклада заключили, что перегрев — это нормальное состояние функционирования макроэкономики КНР. Во многом это связано с тем, что развитие экономики Китая вступило в этап ускорения индустриализации и урбанизации. Поскольку перегрев является нормальным состоянием, главной целью макроконтроля выступает «сжатие». С учетом различий в отраслевой и региональной структуре оно проводится не единообразно, а направленным образом, что и формирует особенности структурного контроля.

Авторы доклада Института экономики АОН предположили, что китайский опыт макроконтроля заслуживает того, чтобы быть заимствованным мейнстримом. В прошлом мейнстрим отвергал специфические китайские методы контроля, включающие в себя политику валютного курса, промышленную, финансовую и денежную политику, которые ныне постепенно получают признание. Вместе с тем, контроль китайского типа содержит в себе много рисков и опасностей, поэтому в посткризисный период требуется адекватная оценка преимуществ и проблем макроконтроля в КНР³⁴.

Под воздействием мирового кризиса в научных кругах развернулась дискуссия о тенденции «наступления государства и отступлении частного» (*го цзинь минь туй*) и ее возможных негативных последствиях для развития экономики КНР. Поводом для дебатов стал принятый в 2008 г. антикризисный пакет стимулирующих мер, нацеленных прежде всего на вложения в объекты инфраструктуры, где государственные предприятия составляют основную часть. Оживился процесс слияния госпредприятий, в некоторых регио-

нах власти проводили реструктуризацию отдельных отраслей под руководством госпредприятий (угольная промышленность в провинции Шаньси, металлургическая промышленность в провинции Шаньдун).

Критики отмечали, что благодаря поддержке властей низкоэффективные государственные предприятия отнимают пространство для развития у высокоэффективных частных. Это ведет к усилению монополизма и не благоприятствует смене модели развития, росту занятости и увеличению доходов людей³⁵. Ван Сяолу предупредил, что быстрое увеличение инвестиций ведет к появлению избыточных производственных мощностей. Это приводит к порочному кругу — чтобы решить проблему, государство с помощью административных методов сокращает отсталые производственные мощности; маленькие предприятия, в основном частные, закрываются; остаются прежде всего крупные государственные или предприятия с участием иностранного капитала. Так возникает механизм вытеснения частника с помощью увеличения инвестиций государства³⁶.

Вопрос о «наступлении государства и отступлении частника» прозвучал на пресс-конференции Вэнь Цзябао в марте 2011 г. Ему напомнили, что за последние несколько лет Госсовет КНР дважды выпускал решения, призванные стимулировать развитие негосударственного сектора экономики, которые получили название «36 пунктов». Однако частные предприниматели жалуются, что «гром от поддержки негосударственных предприятий большой, а дождь маленький». Частные инвестиции зачастую наталкиваются на материальные и нематериальные препятствия, а проблема стоящих на пути частного бизнеса незаметных на первый взгляд «стеклянных дверей» так и не получила решения.

Вэнь Цзябао ответил, что, по его мнению, эффект от обнародованных Госсоветом КНР в 2005 и 2010 гг. «36 пунктов», нацеленных на поддержку частного предпринимательства и инвестиций, был значительным. «Почему многие негосударственные предприятия по-прежнему считают, что “дождь маленький”, даже говорят о явлении “стеклянных дверей” и “пружинных дверей”? Главным образом потому, что в жизнь [эта политика] претворяется недостаточно... Сейчас нет проблемы так называемого “наступления государства и отступления частника”, как нет и проблемы “отступления государства и наступления частника”»³⁷.

У Цзинлянь отметил, что местным правительствам не следует инвестировать в рентабельные отрасли, поскольку они используют общественные финансы и поэтому должны предоставлять общественные блага. По его мнению, правительство должно уходить из конкурентных отраслей, так как принципы рыночной экономики не позволяют государству бороться за прибыль с частными предприятиями³⁸. Схожих воззрений придерживается председатель Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев Хуан Мэнфу. Он подчеркнул, что тенденция поглощения частных предприятий государственными, возникшая в некоторых отраслях, не должна превратиться в господствующую. Госпредприятия довольны своим положением и не торопятся выходить из конкурентных отраслей, но эта ситуация не может быть долговременной, надо оставить больше пространства для частника. Китайские госпредприятия должны конкурировать с крупными зарубежными компаниями и ТНК, конкуренция же между созданными правительством и народом предприятиями принципиально неприемлема. Госпредприятиям следует заниматься тем, что необходимо обществу и за что не хочет браться частник — они «должны грызть кость, а не течь туда, где жир»³⁹.

Главное место в посткризисных дискуссиях китайских экономистов занял вопрос о степени вмешательства государства в экономику, что проявилось в обсуждении проблем макроконтроля и угрозы «вытеснения» частного бизнеса. Успешный выход Китая из кризиса привел к тому, что на оценки экономического развития стали влиять националистические эмоции. Большинство исследователей указали на опасности, связанные с пренебрежением зарубежным опытом и недоверием к рыночным механизмам. Китайское государство продемонстрировало способность сконцентрировать силы и ресур-

сы для преодоления неблагоприятной ситуации. Однако одностороннее внимание к позитивным аспектам принятых мер вызывает опасения по поводу того, что временное положение дел может стать постоянным, превратившись в препятствие для продолжения реформ. Попытки обобщить пакет антикризисных мер в качестве квинтэссенции «китайской модели» вызвали несогласие у ведущих ученых. Вместе с тем рост внимания к национальной традиции и развитию самобытной «китайской экономической науки» свидетельствует не только о стремлении дополнить западный экономический мейнстрим, но и о желании глубже понять китайскую специфику, избегая повторения чужих теоретических ошибок.

1. Цзай ши цзе цюаньго жэньда сы цы хуэйи шан гоуюань цзунли Вэнь Цзябао цзо чжэнфу гунцзо баогао цюаньвэнь [Полный текст доклада правительства премьер-министра Госсовета Вэнь Цзябао на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва]. — <http://nb.people.com.cn/GB/14068140.html>.
2. Проблемы антикризисной экономической политики КНР подробно рассмотрены в сборниках: Влияние мирового финансового кризиса на экономику Китая. М., 2010; Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М., 2010.
3. Ли Инин: «Ши эр у» сой цзяньчи дэ цзи сян чжуньёо гайгэ [Ли Инин: Несколько важных реформ, которые нужно проводить в 12-й пятилетке]. — <http://theory.people.com.cn/GB/148980/14115667.html>.
4. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо? [Какие самые большие вызовы 12-й пятилетки?]. — <http://theory.people.com.cn/GB/14065085.html>.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Вэнь Цзябао цзунли юй ванью цзай сян цзяолю [Беседа премьер-министра Вэнь Цзябао с пользователями Интернета]. — http://live.people.com.cn/note.php?id=828110225112229_ctdzb_1001.
9. Подробно об этих дискуссиях см.: Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 40–67.
10. Чжан Юй, Цю Хайтин и др. Чжунго чжэнчжи цзинцзисюэ няньду фачжань баогао. 2010 нянь [Годовой доклад о развитии политической экономики в Китае в 2010 г.]. — <http://theory.people.com.cn/GB/13823036.html>.
11. Ху Цзюнь, Хань Дун. «Чжунго моши» дэ шичжи, тэдянь цзи мяньлинь дэ тяочжань [Сущность, особенности и вызовы, перед которыми стоит «китайская модель»]. — <http://theory.people.com.cn/GB/13131047.html>.
12. Jacques M. When China Rules the World: the Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. Penguin books, 2009.
13. Яо Ян. Чжунго цзинцзи чэнцзю дэ гэньюань юй цянъцзин [Источники и перспективы экономических успехов Китая] // Вэньхуа цзунхэн. 2010. № 2. — <http://www.21bcr.com/a/shiye/lishiguan/2010/0618/1045.html>.
14. У Цзинлянь. «Чжунго моши» хуэй чэнвэй цюаньцю баньян ма? [Может ли «китайская модель» стать примером для всего мира?] // Чжунго гайгэ. 2010. № 10. С. 042–043.
15. Хуэйшоу синьхай байнянь [К столетию Синьхая] // Чжунго гайгэ. 2010. № 11. С. 067.
16. См.: Fewsmith J. Political Reform Was Never on the Agenda // China Leadership Monitor. No. 34. 2011. Febr. 22. — <http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/CLM34JF.pdf>.
17. Цинь Сяо. Цюй ишисинтайхуа, хуэйгуй пуши цзячжи [Деидеологизация и возвращение к всеобщим ценностям] // Чжунго гайгэ. 2010. № 10. С. 102–104.
18. Лэнцзин жэньши цзыцзи, кэгуань каньдай шицзе [Трезво познать себя, объективно относиться к миру] // Чжунго гайгэ. 2010. № 6. С. 023–027.
19. Чэнь Чжуню. Мэйю «Чжунго моши» чжэ хуэй ши [«Китайской модели» не существует]. Тайбэй, 2010.
20. Thoughts on the “China model” // Beijing Review. 2010. Vol. 53, No. 47. November 25. P. 34–35.
21. Ли Инин: Чжунго даолю би Чжунго моши тифа гэн чжуньцюэ [Ли Инин: Формулировка китайский путь более точная, чем китайская модель]. — <http://theory.people.com.cn/GB/148980/14115678.html>.

22. Вэнь Цзябао цзунли да цзичжэ вэнь [Премьер Вэнь Цзябао отвечает на вопросы корреспондентов]. — http://www.people.com.cn/zhibo/858110312184344_ctdzb_001_all.htm.
23. *Чжан Сяоцзин*. Чжулю хунгуань цзинцзисюэ дэ вэйцзи юй вэйлай [Кризис макроэкономической науки мейнстрима и будущее] // Цзинцзисюэ дунтай. 2009. № 12. С. 34–41; *Чжан Сяоцзин*. Сифан чжулю цзинцзисюэ мяньлинь вэйцзи [Западная экономическая наука мейнстрима стоит перед кризисом] // Жэньминь жибао. 2010. 9 февр. — <http://finance.sina.com.cn/review/fxzs/20100902/07038589832.shtml>.
24. *Чжоу Вэнь, Сунь И*. Чжунго цзинцзи моши юй чжунго цзинцзисюэ [Китайская экономическая модель и китайская экономическая наука] // Цзинцзисюэ дунтай. 2010. № 11. С. 45–49.
25. *Цай Фан*. Синь гудянь цзинцзисюэ сывэй юй Чжунго сяньши дэ чацзюй — цзянь лунь Чжунго тэсэ цзинцзисюэ дэ чунцзянь [Экономическое мышление неоклассической экономической науки и его отличие от китайской реальности — также поговорим о воссоздании экономической науки с китайской спецификой] // Цзинцзисюэ дунтай. 2010. № 2. С. 33–41.
26. *Лю Цань*. Чжунго цзинцзисюэ цзяоюй ингай жухэ фачжань — вэйцзи хоу дэ фаньсы [Как должно развиваться китайское экономическое образование — осмысление после кризиса]. — <http://theory.people.com.cn/GB/12041352.html>.
27. *Линь Ган*. Цзай синь шици жухэ фачжань Чжунго чжэнчжи цзинцзисюэ [Как в новый период развивать китайскую политическую экономию]. — <http://theory.people.com.cn/GB/82288/189052/189053/11681386.html>.
28. *Bowles S., Edwards R., Roosevelt F.* Understanding capitalism: Competition, Command, and Change. Third Edition. Oxford, 2005.
29. *Цзя Гэньлянь*. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзяокэшу чжунда гайгэ дэ и чжун чанши — ю «Лицзе цзыбэньчжуи: цзинчжэн, тунчжи юй бяньгэ» иньфа дэ сыкао [Попытка крупного реформирования учебника политической экономики — рассуждения, вызванные книгой «Понимание капитализма: конкуренция, командное управление и изменения»] // Цзяосюэ юй яньцзю. 2010. № 9. С. 61–65.
30. *Чэн Эньфу*. Чжунго цзинцзисюэ сяньдайхуа дэ чуансинь юаньцзэ юй фачжань тайши [Принципы обновления и тенденции развития модернизированной китайской экономической науки]. — <http://theory.people.com.cn/GB/82288/189052/189053/11680405.html>.
31. *Naughton B.* Reading the NPC: Post-Crisis Economic Dilemmas of the Chinese Leadership // China Leadership Monitor. № 32. 2010. May 11. — <http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/CLM32BN.pdf>.
32. *Чэнь Дунци*. Хунгуань тяокун дэ вэйлай дуйцэ [Будущие контрмеры, касающиеся макроконтроля] // Ляован. 2011. 4 марта. — <http://theory.people.com.cn/GB/14061005.html>.
33. Хоу вэйцзи шидай дэ Чжунго хунгуань тяокун [Макроконтроль в Китае в посткризисную эпоху] // Цзинцзи яньцзю. 2010. № 11. С. 4.
34. Там же. С. 4–20.
35. *Чжан Юй, Цю Хайтин* и др. Указ. соч. — <http://theory.people.com.cn/GB/13823037.html>.
36. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо...
37. Вэнь Цзябао цзунли да цзичжэ вэнь...
38. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо...
39. *Хуан Мэнфу*: Шифан Чжунго холи [Хуан Мэнфу: Высвободить жизненную силу Китая] // Ляован. 2011. 4 марта. — <http://theory.people.com.cn/GB/14061005.html>.